имуществом, имевшим дефекты, или, наконец, и тому, и другому имуществу? Представляется, что необходимо учитывать оба вида имущества [1].

В доктрине существует мнение, что при определении размера убытков следует учитывать степень износа (амортизации) имущества на момент повреждения, которая определяется заключениями экспертиз (домашнего имущества - товарных, транспортных средств - автотехнических, строений - строительных и т. п.). Убытки исчисляются в денежном выражении с учетом первоначальной стоимости минус процент его износа [2]. Однако судебная практика зачастую исходит из возмещения затрат на приобретения аналогичного нового имущества. В делах о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работ или услуги оценка причиненного имущества вреда производится исходя из необходимых затрат, необходимых для приобретения имущества взамен утраченного либо восстановления поврежденного имущества. Истец обратился с иском к продавцу бытовой техники о возмещении вреда, причиненного мебели в связи с возгоранием некачественной техники [3]. В сумму убытков была включена стоимость заказа и установки элемента мебели, аналогичного поврежденному. На наш взгляд, такой подход в большей степени отражает принцип полного возмещения вреда, так как это именно те расходы, которые лицо должно понести для восстановления положения, существовавшего до нарушения, в данном случае - приобретения имущества сходных потребительских качеств взамен поврежденного.

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что имущественный вред должен быть возмещен таким образом, чтобы восстановить положение, существовавшее до причинения вреда, даже посредством возмещения затрат, необходимых для приобретения имущества сходных потребительских качеств без учета износа поврежденного (утраченного) имущества.

Список использованных источников

1. Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный) / Е.Ю. Валявина [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2005. - 1088 с.
2. Гражданское право : в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. - Минск: Амалфея, 2008-2011. - Т. 3. - 2011. - 560 с.
3. Архив суда Центрального района г. Минска за 2012 г. - Дело № 2-1119/12.

К ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

Мещанова М.В., Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Договоры международной купли-продажи товаров являются самой распространенной внешнеэкономической сделкой. Порядок заключения таких контрактов практически вошел в обычай международного делового оборота. Вместе с тем исследователи Венской конвенции «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. по-разному относятся к вопросу соблюдения формальностей при заключении договоров международной купли-продажи.

При подписании Венской конвенции Республика Беларусь сделала оговорку на основании ст. 96 о неприменении правил Конвенции о свободе формы договора, которая в полной мере согласуется с содержанием п. 2 ст. 1116 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее - ГК) об обязательной письменной форме внешнеэкономических сделок. Следует также принять во внимание, что в соответствии с п. 1 ст. 422 ГК соглашение об изменении или расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из законодательства, держащегося позиции, отраженной как в ее внутреннем законодательстве, так и в ее международных обязательствах, о письменной форме договора международной купли-продажи, его изменения и расторжения.

Вместе с тем реалии современного документооборота с использованием электронных средств коммуникации изменили устоявшиеся подходы к пониманию термина «письменная форма договора». Статья 13 Венской конвенции гласит, что для целей настоящей Конвенции под «письменной формой» понимаются также сообщения по телеграфу и телетайпу. Однако во время создания Венской конвенции мировое коммерческое сообщество еще не использовало такие средства связи как электронная коммуникация, поэтому в ст. 13 были названы только телеграф и телетайп, что вовсе не свидетельствует в пользу исчерпывающего характера данного перечня допустимых средств передачи информации. Как справедливо отмечает Д. Хоннольд, в 1980 г., когда принималась Конвенция, иные виды сообщений, ещё не были внедрены в практику, поэтому и не нашли отражение в тексте Венской конвенции [1]. При этом согласно Заключению № 1 Консультативного совета по Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (далее - Заключение), которое толкует ст. 13, термин «письменная форма» в Венской конвенции также охватывает любые электронные сообщения, которые могут быть извлечены в человекочитаемой форме (receivable - англ.) [2]. Абзац 5 ст. 1.10 Принципов УНИДРУА гласит, что «письменная форма» означает любой вид сообщения, который сохраняет запись информации, содержащейся в нем, и способный быть воспроизведенным в осязаемом виде.

Следует отметить, что в теории и практике международной торговли открытым остается вопрос о том, следует ли трактовать содержание термина «письменная форма», исходя из самой Венской конвенции, или же это прерогатива национального законодательства того государства, которое сделало оговорку об обязательности такой формы. По мнению ряда толкователей Венской конвенции, все вопросы, связанные с формой договора должны решаться в соответствии с правом применимым к сделке. Такая позиция исходит из определения формы договора как содержательной части обязательственного статута и находит отражение в арбитражной и судебной практике ряда стран [3]. Вместе с тем толкование формы договора по применимому праву не является бесспорным, поскольку этот подход, по сути, возвращает мировое коммерческое сообщество в вопросах формы контракта к ситуации, существовавшей до принятия Венской конвенции. Основной целью принятия Конвенции была прогрессивная унифика-

ция норм права международной торговли. Именно поэтому национальное право может регулировать вопросы, относящиеся к предмету регулирования Венской конвенции, только если эти вопросы прямо в ней не разрешены, а также при отсутствии принципов, на которых основана Конвенция, и которые могут быть использованы в этих целях (ст. 7 Венской конвенции). Представляется, что присутствие в Венской конвенции ст. 13 исключает необходимость обращаться в вопросах толкования «письменной формы» к национальному законодательству. Таким образом, следуя логике Венской конвенции, а также законодательства Республики Беларусь следует признать, что для договоров международной купли-продажи товаров с участием субъектов Республики Беларусь письменная форма является обязательной вне зависимости от применимого права. При этом толкование понятия «письменная форма» должно осуществляться в соответствии со ст. 13 Конвенции, учитывая Заключение Консультативного совета.

Список использованных источников

1. Honnold, O. John Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention /O. John Honnold // UNCITRAL [Электронный ресурс]. - 2014. - Режим доступа: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/honnold.html>. - Дата доступа: 19.06.2014.
2. CISG-AC Opinion no 1, Electronic Communications under CISG, 15 August 2003 // UNCITRAL [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/CISG-AC-op1.html>. - Дата доступа: 19.06.2014.
3. Решение Верховного суда Австрии, 2001 // UNCITRAL [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/wais/db/cases2/011022a3.html>. - Дата доступа: 19.06.2014; U.S.; Court of Appeals (3rd Circuit) 2010 // UNILEX [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.unilex.info/case.cfm?pid=1&do=case&id=1537&step=Abstract> - Дата доступа: 19.06.2014.

**К ПРОБЛЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ
И ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

Первомайский О.А., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, кандидат юридических наук, доцент

Статья 2 Гражданского кодекса Украины (далее - ГК Украины) определяет субъектов публичного права, к каковым, в частности, относит государство Украина, территориальные громады (общины), как потенциальных участников большинства гражданско-правовых отношений имеющих при этом не только некие гражданско-правовые обязанности, но и соответствующие отраслевые права и охраняемые законом интересы. Вследствие этого, является возможным нарушение, оспаривание или непризнание этих прав и интересов, что требует, в свою очередь, их защиту. При этом следует отметить, что речь идет именно о гражданско-правовой защите субъективных гражданских прав и интересов субъектов публичного права. Применение же иных юридических и неюридических способов, методов защиты прав и интересов субъектов публичного права пребывает за пределами этого исследования.

Утверждение о существовании возможности и необходимости защиты, принадлежащих субъектам публичного права гражданских прав и интересов, осно-